

РОЗДІЛ 1

ТЕОРІЯ ТА ІСТОРІЯ ДЕРЖАВИ І ПРАВА; ІСТОРІЯ ПОЛІТИЧНИХ І ПРАВОВИХ УЧЕНЬ

УДК 340.1

ИДЕАЛИЗАЦИЯ КАК ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО ПРАВОСОЗНАНИЯ IDEALIZATION AS TELEOLOGICAL PROPERTY OF LEGAL CONSCIOUSNESS

Афутина И.В.,

аспирант кафедры философии

Национального университета «Одесская юридическая академия»

Эта работа посвящена идеалу и ценностям как взаимообуславливающим элементам структуры правосознания. В работе речь пойдет о том, как и почему правовое сознание среди своих свойств всегда имеет утопичность. А также о том, в чем именно в сознании человека и общества кроется единство, необходимое для преодоления глобальных проблем человечества.

Ключевые слова: правосознание, ценность, идеал, постановка цели, ортогенез, Абсолют, утопия, идеализация.

Ця робота присвячена ідеалу і цінностям як взаємообумовлюючим елементам структури правосвідомості. В роботі мова піде про те, як і чому правосвідомість серед своїх властивостей завжди має утопічність. А також про те, в чому саме у свідомості людини і суспільства криється єдність, необхідна для подолання глобальних проблем людства.

Ключові слова: правосвідомість, цінність, ідеал, постановка мети, ортогенез, Абсолют, утопія, ідеалізація.

This work is devoted to the ideals and values as components of the structure of legal consciousness, causing each other. This article will focus on how and why there is always utopianism among the properties of legal consciousness. And also it will be about where exactly in the consciousness of man and society lies the unity necessary to overcome the global problems.

Key words: legal consciousness, value, ideal, goal-setting, orthogenesis, Absolute, utopia, idealization.

Постановка проблемы. Для современной ситуации общественного развития характерны повышенная интенсивность, сверхбыстрая смена технологического и ценностного культурного пространства – все это вызывает особую «болезнь века» – футурошок. Кардинальные и резкие изменения в мире за последние несколько десятилетий во всех сферах жизни сделали протекание этой «болезни» у нас слишком тяжелым. Общество, оставшись без надежных ориентиров и опор в мире, который постоянно колеблется, в качестве защитной реакции начинает отрицать и идеал. Теперь он чаще вызывает отнюдь не положительный спектр чувств: от безразличия к иронии, от недоверия к резкому неприятию. В связи с этими проблемами целью данного исследования стало определение роли и взаимосвязи идеала и ценностей в структуре правосознания. Достижение цели требует решения следующих задач: раскрыть природу идеала и ценностей, их системное значение, функции; исследовать специфику отношения общества к идеалам и ценностям в разных исторических ситуациях; раскрыть взаимосвязь цели с утопией, идеалом и ценностями; изучить особенности восприятия идеи Абсолюта, или Бога, как основания для направленного развития общества.

Состояние исследования. В первую очередь, значительный прирост объема материалов, посвященных изучению идеала и идеализации, утопии и утопичности правосознания в настоящее время дали переводы и публикации работ крупнейших зарубежных исследователей: М. Вебер, К. Мангейм, Э. Кант, Л. Мэмфорд, М. Хайдеггер, О. Тоффлер, К. Поппер, П. Тейяр де Шарден, Э. Фромм, Э. Шацкий, У. Моррис, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Э. Блох, Х. Ортега-и-Гассет, М. Шелер и другие. Отдельные аспекты идеализации как метода познания затрагиваются в ряде работ отечественных и зарубежных философов: Д. П. Горского, А. Д. Субботина, В. С. Степина, В. А. Штоффа, В. А. Смирнова, В. С. Библера. Из числа отечественных философов и культурологов XX века, добившихся значительных успехов в разработке указанной проблематики нельзя не отметить Е. А. Араб-Оглы, Э. Я. Баталова, А. И. Володина, В. С. Давидовича, И. Н. Неманова, И. К.

Пантина, С. С. Сизова, В. Г. Федотова, В. Г. Хороса, В. А. Чаликову, В. П. Шестакова, Р. А. Гальцева, К. В. Чистова и многих других.

Изложение основного материала.

1. Идеал как основание направленности развития в различных культурно-исторических ситуациях.

Сегодня глобальные проблемы наряду и в связи с упадком духовных сил человечества с необходимостью требуют поиска наиболее устойчивого и позитивного понимания целей развития общества, ценностей и идеалов. Объединение человечества под эгидой преодоления этих проблем возможно лишь при условии, что будет найден общий знаменатель для целеполагательной деятельности личности и общества. Обратившись к сущности развития мира, мы сможем увидеть и распознать его направленность и, начиная с этого, приблизимся к искомому знаменателю.

Античному пониманию было свойственно смотреть на развитие, как на нечто цикличное во времени, когда поколение рождается, живет и погибает в рамках одной замкнутой в себе эпохи, а затем приходит другая эпоха и другое поколение, без существенного столкновения с предыдущими и без значительной связи с последующими. Века сменяют друг друга, а человек оказывается песчинкой внутри этого постоянного круговорота, не способный справиться ни с природой вокруг, ни с самим собой. Но такой взгляд на мир уже сегодня мы можем признать не более чем побегом. Какой смысл в существовании чего-либо, любого явления или вещи, без направленности их развития, без их взаимосвязи, без приобретения нового качества путём сохранения в этом новом и более совершенном всех прежних качеств – в снятом виде? Безусловно, может показаться, что в пределах нескольких поколений развитие может происходить напрасно. Но это абстрактный, неполный и искаженный подход к вопросу. В пределах вечности развитие никак не может быть напрасным, потому что направленное движение от простого к сложному, от хаоса к космосу, от тела к духу – и является истинным развитием.

Молодая и на сегодняшний день довольно популярная наука синергетика утверждает, что обыкновенное движе-

ние, ситуативное, спонтанное может изменить ход истории, разрушить любые «благородные планы» – достаточно одной лишь внезапной точки бифуркации. И поэтому любой идеал и любая цель теряют своё значение, обреченные на проигрыш в игре за выживание, где их противником выступает «его величество случай». Но достоин ли такой мир усилий? Любые усилия в таком «случайном» мире изначально нивелируются отсутствием направленности целей и любого смысла. Любые усилия чего-то добиться, что-то построить или чему-то научиться не будут иметь никакого значения и обесценятся, если существует вероятность, что какой-нибудь нежданный метеорит однажды уничтожит всю культуру, а потом всё придется начинать с абсолютного нуля, не имея возможности сохранить, возродить и передать накопленные опыт и знания будущему миру. Так стоит ли нашего внимания это бесконечное движение по кругу без возможности выбраться на новый уровень?

Альтернативой такому бессмысленному круговороту материи всегда был идеал. Именно идеал, как особая идеальная конструкция, имеет побудительную силу. «... Если мы хотим иметь науку об обществе <...>, то мы не можем ограничиваться сферой только исторического опыта, а должны наряду с фактами прошлого и настоящего дать место и идеям будущего: ведь только в этих идеях человеческое общество получает ту определенность и завершенность, которых оно лишено в своей наличной деятельности» [10, с. 115].

Средневековый идеал влек счастьем загробного существования, но теперь этот вариант цели не угоден человеку 21 века едва ли не больше, чем отсутствие цели вообще.

Человек Нового времени в своё время видел достижения цели свободного гражданского бытия и разумного устройства общества через обретение знания. Свобода как познанная необходимость – то есть познание законов природы и общества. По мнению Е. В. Ильенкова, проблема идеала остро была поставлена именно в немецкой классической философии и именно в связи с проблемой цели [3, с. 204]. Тогда человечество осознало острую нужду в понимании этих вопросов. Идеал Нового времени – это представление об итоговом совершенстве человеческого рода. Он включал в себя осознание того, что человек является самоцелью собственной деятельности и ни в коем случае не средством для кого-то или для чего-то.

Революционером в понимании этой идеи был И. Кант. По Канту, идеал характеризуется полным преодолением противоречий между индивидом и обществом, а внутри индивида – между общим и единичным, целым и частью и т. д. Каждый шаг на пути прогресса – шаг на пути к реализации этого идеала.

Кант считал, что идеал в «теоретическом разуме» может выступать только в виде постулата «запрета противоречия», а в «практическом разуме» – в виде категорического императива. «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» – это и библейское требование, и главный принцип французского революционного законодательства («Декларация прав человека и гражданина» 1789 г.) Таким образом, Кант примирил идеал Просвещения с идеалом христианства. Однако из-за антинормативности человеческого разума, включающей в себя прямо противоположные категории, которые могут быть одинаково применимы ко всем вещам, люди, по мнению Канта, никогда не смогут прийти к конечной истине, а это значит, что и к осуществлению идеала тоже [4, с. 142].

Идеал-цель Канта подобен горизонту – желанный, но такой недостижимый. Этот идеал, который не может быть реализован в реальной деятельности человека (в науке и практике), выступает как априорно принятый «регулятивный принцип» деятельности, и в этом смысле имеет практическую силу [12, с. 346-347]. «Хотя и нельзя допустить

объективной реальности (существования) этих идеалов, однако нельзя на этом основании считать их химерами: они придают необходимое мерило уму, который требует понимания того, что в своем роде является совершенным, чтобы по нему оценивать и измерять степень и недостатки несовершенного» [12, с. 346-347]. Идеал Канта – только необходимый ориентир, вектор, задающий нужное направление. Но и это имеет большое значение. Именно Кант поставил вопрос о соотношении средства и цели. Он считал, что человек должен быть всегда только целью, но никогда – средством (подробнее об этом – в следующей части исследования, посвященной идеалу как ценности правосознания и ценностям, которые отражаются в идеале и таким образом формируют его).

Определение идеала не случайно перекликается с определением цели. Идеал служит критерием форм и способов достижения целей. «Цель – один из элементов поведения и сознательной деятельности человека, которая характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств. <...> Анализ деятельности как целенаправленной предполагает выявление несоответствия между имеющейся жизненной ситуацией и целью, осуществление цели является процессом преодоления этого несоответствия» [7].

По мнению С. В. Туманова, объективное знание о сущности объекта, а, следовательно, и о тенденции его развития может являться компонентом цели [12, с. 10]. Дело в том, что компонент этот тесно связан с проблемой достижимости или недостижимости цели (идеала). Здесь речь может идти только именно о воображаемой субъектом тенденции развития объекта. Чтобы иметь объективное знание о чем-то, мы уже должны иметь цель и идеал в неразвитой форме. А через деятельность он развивается.

По поводу взаимосвязи идеала и цели считается удачным мнение А. Тойнби: «Парадоксальным, но глубоко истинным и важнейшим принципом жизни является то, что для того, чтобы достичь какой-то определенной цели, следует стремиться не к самой этой цели, но к чему-то еще более возвышенному, что находится за пределами данной цели» [11, с. 528]. «...Потому что, только поднимаясь к общечеловеческому, человек может превзойти самого себя. Только ставя цели выше личных, и, возможно, неосуществимых, люди и народы познают свое настоящее, святое назначение» [31, с. 150].

Безусловно, сегодня антропоцентризм и массовый субъективизм вплоть до эгоцентризма переходят все разумные границы и начинают требовать пресловутого «гуманного» отношения к каждому отдельно взятому существу. При этом пониманием, что же такое это «гуманное» на самом деле, многие себя даже не озадачивают. Гуманность потеряла свою суть, потому что человек забыл о ней. В истории человечества множество тупиковых ветвей эволюции в той или иной сфере, позабытых теорий, никому не пригодившихся фактов и канувших в Лету цивилизаций, от которых не осталось даже следа. Все они так же служат тому самому системному миру, распланированному и направленному. С одной стороны это может показаться несправедливым, но для «древа жизни» необходимы и «удобрения». Все эти теории, факты и цивилизации опадают, как ветви и листья, потерявшие доступ к питанию от ствола, поэтому они умирают, а ствол продолжает расти вверх – всё выше и выше, всё совершенней. На место отмерших, приходят новые, более совершенные теории и цивилизации. В этом и состоит суть *направленного* развития, основанного на изначальной и принципиальной целесообразности в природе – ортогенеза.

Современное человечество – и вправду еще только переходный этап, необходимый для появления действительно нужных Вселенной существ. Но переходный этап тоже необходим. Когда-то без него не появились бы homo

sariense, и однажды не сможет появиться более высшее существо – потенциальный сверхчеловек. Глобальная цель развития как ориентир направления в том и заключается, чтобы приблизиться шаг за шагом к идеалу, который позволит такому сверхчеловеку появиться на свет. Но также она и не сводится к каким-то бездуховным, безнравственным и безудержным генетическим исследованиям, которые в будущем позволят создать такого сверхчеловека, а все остальные цели будут не так уж и важны и на них можно будет закрыть глаза. Смысл как раз в том, чтобы сделать сверхчеловека *именно таким, сверхчеловеком*, новым и лучшим, а не каким-либо еще по сравнению с тем, каким человек является теперь.

2. Аксиологический анализ идеала.

В связи с проблемой соотношения цели и средств уже было упомянуто о ценностях, и это подводит нас к аксиологическому анализу идеала. Он предполагает выделение двух сторон: рассмотрение идеала как отражения человеческих ценностей (в первую очередь правовых, а так же политических, экономических, этических и др.) И второй – идеал как ценность правосознания, то есть его значение и роль в духовной и общественной жизни личности и социума.

Содержание идеала – это ценности, которые он отражает и утверждает, это формы и способы «совершенного» бытия, к которому стремятся человек и общество. Идеалы – это, прежде всего, ценностные образования [См., напр.: 2, 12].

«Цель должна быть воспринята как выражение Блага. Только в этом случае она предстает как идеал. Все то, что не влечет, не притягивает, все, что проявляется в системе ценностных установок субъекта как антиблага, на роль идеала не подходит», – утверждает В. Е. Давидович [2, с. 37].

При этом содержание ценностей может показаться изменчивым. Например, нормы для общества необходимы, но не всякие нормы можно назвать ценностью. Не содержание норм (они могут меняться), а их наличие необходимо для всякого общества [8, с. 57]. Неизменным остается лишь само наличие норм как ценностей, то есть того внутренне неизменного в них, что делает нормы ценностями: меры блага, нравственности и справедливости. В этой связи мы можем сказать, что ценности укоренены в самой ткани бытия. Идеалы и ценности обуславливают друг друга и находятся в неразрывной диалектической взаимосвязи.

Рассматривая идеал как основанный на важнейших духовных ценностях, можно говорить о его значении и силе его воздействия на дух человека и общества. Идеалы должны быть не только лишь «на бумаге», но еще они должны быть действенными. «Мало только выразить идеалы, – пишет В. Соловьев, – необходимо привести их в действительность, без этого они не имели бы смысла: практическая истина, которая остается только в теории, является непоследовательностью» [9, с. 92]. В данной статье автор не ставит целью разработать стратегию, которая станет руководством к действию, но только хочет обратить внимание на то, что должно стать при разработке подобных стратегий ориентиром и критерием.

Однако следует ли из всего сказанного, что идеал, то есть его носитель, не ведает сомнений? Совместимы ли вера и сомнение? Известно, что сомнение в науке – движущая сила. Следовательно, носитель идеала на теоретическом уровне сознания, то есть научно обоснованном, веря в идеал, предполагает возможность его корректировки с учетом практики, опыта и реальной действительности. В то же время, по мнению Канта, «нет ничего вреднее и менее достойного философа, чем ссылки на якобы противоречивый опыт» [1, с. 117-118]. Вместе с тем необходимо отметить и психологический момент жертвенности, основанной на вере, во имя идеала – не только на обыденном

уровне, но и на теоретическом. Тогда носитель идеала не то, чтобы не знает сомнений, – он сознательно их не допускает. Так, Сократ добровольно принимает смерть из уважения к законам и родине. Обыденное сознание более «слепо» – желаемое ослепляет, но так же требует жертв. А. И. Герцен в свою очередь предостерегает от «человеческих жертв на алтарь абстракций», и под этим он подразумевает, что жертвы обыденного сознания почти всегда приносятся во имя абстрактных идеалов и ценностей, а такая жертвенность часто не только бесполезна, но еще и опасна. «Всякая идея, всякая вера освящают допущенное в определенной степени ради них насилие», – считает С. Цвейг, и это, безусловно, можно расценить как карт-бланш для самых благородных идей, но так же и для практически любой анархии и любого безумства [13, с. 504]. «Кто первенец – тот всегда приносится в жертву», – пишет Ф. Ницше. [5, с. 138]. И с этим так же трудно поспорить, ведь любое посягательство на изменения в закоренелом обществе этим обществом принимается неохотно и порой даже враждебно. В этом так же проявляется пресловутый футушок.

Пессимист, нигилист, солипсист, материалист, циник – сегодня эти звучные «имена», которые уже давно перестали носить какой-либо позитивный окрас, вновь появляются в глазах человека значение комплимента. Современное человеческое правосознание повсеместно подвержено этому «добровольному недугу» пессимизма, нигилизма и порой даже откровенного цинизма практически во всех сферах. Начиная с уровня семьи и моральных основ, впитываемых человеком во время взросления и вхождения в общество в качестве полноценного элемента, – и заканчивая общемировыми настроениями всего населения нашей планеты – повсюду «расцветает» недоверие, апатия, упадочный настрой. Любая религиозность становится недостатком, доброта и отзывчивость – слабостями. Атеизм, материализм и солипсизм вновь ищут и находят своих приверженцев, набирая обороты и захватывая всё больший пласт во всех кругах общества.

Люди перестают верить в Абсолют, негласно заменив его формальной ритуалистикой – тем, что можно оценить, просчитать и «взвесить». Современный капитализм, как способ организации общества, основанный на безудержной и безжалостной конкуренции, на власти капитала, неминуемо разрушает сущностные основы человеческого взаимодействия: *со-весть, со-чувствие*, доброжелательность, благородство, справедливость, нравственность и так далее. Теперь человек предпочел всему прочему совершенно бесстрастную, безразличную и абсолютно бессознательную Вселенную – в страхе быть однажды разочарованным в своих непомерных ожиданиях, брошенным на произвол «у разбитого корыта», и в этом проявляется тот самый пессимизм и нигилизм – уныние и неверие в силу Абсолюта как идеала. Преодоление глобальных проблем человечества, как самую насущную цель, пытаются теперь преподнести с позиций экономических показателей и материальной выгоды, поначалу считая эту цель конечной, а после и вовсе отрекаясь от любых глобальных целей – в угоду накопления материальных «ценностей».

Но ведь всё как раз наоборот. Именно Вселенной от нас теперь и всегда было необходимо очень многое. Всё наше существование и даже только его потенциальная возможность – это необходимость и неизбежность. Если на всех стадиях развития вещи мы можем отыскать идеальное отражение всего многообразия мира вещей, от образования первого атома – до рождения и развития сознательной жизни, и даже еще дальше, то как же можно говорить о случае и стечении обстоятельств? Это опасная, и, можно даже сказать, преступная небрежность по отношению к природе. И именно поэтому необходимо рассмотреть не глобальные цели человечества, а человечество – как глобальную цель Вселенной. Мы, конечно, можем

утверждать, что каждый сам наполняет свою жизнь теми смыслом и целями, которые ему близки, но от этого объективный смысл жизни человека и объективные цели Вселенной как сверхсистемы, частью которой мы являемся, не изменятся. Они всегда будут оставаться созвучными смыслу жизни всей природы. И в данном контексте под природой стоит понимать спинозовскую Природу-Бога, природу разумную и наполненную духом.

Если следовать трём диалектическим законам, то можно заключить, что всё однажды и в определённой степени отражается во всём. Развитие «души» как модуса – от неживой до социальной и духовной (потенциально однажды в будущем) вполне даёт основания считать целью природы формирование сначала ноосферы, а после – чего-то еще более совершенного. Благо этой цели в свою очередь не вызывает сомнений, поскольку определяется самой природой ноосферы – царства разума и истины.

3. Место и роль Абсолюта в процессе идеализации.

Одним из наглядных примеров работы человеческого правосознания по идеализации в его направленности к преодолению заикленности и к переходу на новый уровень движения является свойственная ему утопичность. Выражается она в моделировании утопий и антиутопий.

Идеал, из которого они вырастают, избирается и формируется в рамках мировоззрения, в основе которого лежат опыт и обобщенные знания о мире, ценностные ориентации, а также отношение людей ко всему происходящему в соответствии с их целями, идеалами, потребностями и интересами. Идеалы в общественной и личной жизни всегда получали не только позитивный, но также и негативный окрас, поскольку сама природа идеала внутренне противоречива. С одной стороны, он находится в определенном диссонансе с действительностью, а с другой, – сама действительность вызывает идеал к жизни и формирует его конкретный образ. Любой идеал, будучи абсолютным образцом, стремящимся к максимальной конкретности, должен содержать в себе нечто неизменное, незыблемое.

П. И. Новгородцев замечал, что «утопии, находящие себе широкое распространение, живущие в сознании человека на протяжении многих веков, не могут не иметь некоторой внутренней правды. И эта правда заключается в их связи с безусловными началами общественного идеала – с началами равенства, добра и справедливости» [6, с. 123].

Антиутопии любого рода имеют целью в основном привлечь внимание к нарастающей «анергии» человеческой веры в телеологичность бытия. Это выражается в том, что описанный в антиутопии мир в определенный момент отвернулся от тех или иных объективных ценностей по тем или иным причинам, заменив их искусственными или вовсе игнорируя любые ценности. Но ценности, как мы уже выяснили, по своей природе неизменны. Они заложены в ткани бытия, существуют в неразрывной системе, и когда ими начинают пренебрегать, космос превращается в хаос, потому что нарушается гармония всей его системы.

Но, как и было сказано, утопичность правосознания – это неотъемлемое его свойство, поскольку именно это свойство, как своеобразный маяк, указывает человеку направление к идеалу и даёт ему толчок к этому идеалу стремиться.

Возвращаясь к современной ситуации с восприятием ценностей и идеалов, свидетельствующих своей природой, свойствами, структурой в пользу целенаправленного движения мира к Абсолюту, кто-то скажет, так же сославшись на рассмотренные ранее «процедуры» ортогенеза, предполагающие «удобрение древа жизни» за счет прошлого опыта и достижений, что человечество – это всего лишь «компост» для иных цивилизаций, и не факт, что тем самым грядущим цивилизациям вообще человечество нужно для появления. Но это по-прежнему абстрактный, обыденный

взгляд на проблему. «Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно»? Однако мы по-прежнему не можем безусловно утверждать, что да, действительно нужно, и не можем утверждать обратного. Мы лишь можем поступать в соответствии с мерами блага, нравственности и справедливости – сохраняя звёзды, вместо того, чтобы занять недостойную, безразличную позицию, и уничтожить их или молчаливо позволить сделать это кому-то еще.

Так как же доказать, что сохранение звезд – позиция благородная и нравственная? Для одного – да, для другого – все совершенно иначе. Но чем он, этот другой, мотивирует свою позицию? Почему звёзды должны быть уничтожены? Ведь действительно, если опыт, логика и чувства, которыми мы руководствуемся в жизни, говорят нам уничтожить звёзды – нам остаётся только сделать это. Но если такая «позиция» не созвучна гармонии космоса, это может свидетельствовать лишь о том, что не в порядке мы сами, а не космос, который будто бы нужно уничтожить. Человек достаточно умен, и придумать, как уничтожить Вселенную, вполне ему по силам, а вот придумать, как потом перед миром оправдать свои поступки он вряд ли сможет. В этом и заключается свобода выбора, и именно поэтому ее нельзя лишиться насильно. Свобода выбора зависит лишь от воли выбирающего и состоит только в одном: выбрать между Богом и безбожием – между следованием Абсолюту и его логике или отречением от своей сущности. И главным критерием выбора здесь являются благо, нравственность и справедливость. Главным же и единственным их критерием, в свою очередь, является не что иное, как гармония. Только когда *со-мнения*, *со-весть* и *со-чувствие* будут пребывать в гармонии друг с другом и внутри личности, и во вне, как и предполагает их сущность, тогда любые вопросы о том, что есть «благородство» и «нравственность», отпадут сами собой.

Вероятно, вся проблема в том, что быть частью системы, любой системы, иметь над собой что-то или кого-то нынче стало считаться заторным, страшным, опасным? Люди жаждут абсолютной самостоятельности и поэтому перестают верить в саму природу человека, который на данном этапе развития, в первую очередь, существо социальное, и может проявить свою жизнь как человек, а не зверь, только во взаимосвязи и взаимодействии с другими такими же социальными существами, с их группами, объединениями в народы, нации, государства и мировое сообщество. И, как следствие такого неверия, из человека это существо превращается в зверя. Но разве человек человеку волк? Вероятно, можно было бы признать, что только такое взаимодействие и способно обеспечить развитие в борьбе сильного со слабым, если бы не существовало альтернативы. Ведь у нас есть способность и возможность быть добрыми, даже если это означает подчиниться чужой воле. Быть добрым – значит, следовать, то есть «подчиняться» тому, что есть добро. Быть злым – значит, следовать, то есть «подчиняться» тому, что есть зло. Но главное – понять, что эта «добрая» воля нам вовсе не чужая и что мы из этой воли рождены, эта воля дана нам в орудия, чтобы мы могли быть не хозяевами бытия, но пастырями. Ведь бытие не принадлежит нам. Оно – часть нас, а мы – часть его. Когда человек забывает о бытии (*sein*), он забывает о себе самом (*dasein*). К сожалению, очень многие считают иначе, и поэтому коррупция, войны, глобальные проблемы, а в результате – массовый цинизм, нигилизм и апатия – вновь правят бал. И снова вспоминая слова Ф. Ницше о жертвенности, следует понимать, что тот пресловутый «первенец», которого приносят в жертву, в первую очередь должен сделать это сам, даже не будучи уверен, что его жертва возымеет ожидаемый эффект. В этом кроется смысл любого развития – оно не должно происходить против воли и «из-под палки».

В наше время предположение, что если Бог (Универсум, Логос, Природа) и есть, то Он непременно окажется

«злым», – является самым ярким примером уныния пессимиста, из которого вытекают все остальные проблемы мировосприятия человека. То есть, если вероятность такая есть, то, по мнению пессимиста, это означает, что определённая доля человеческого «невезения» обязательно «склонит» Бога именно на эту «злую» и «жестокую» чашу весов. Поэтому человек предпочитает не верить в то, на что, как кажется, вообще не может повлиять. Человек начинает самоуверенно именовать себя «реалистом», полностью забывая, предпочитая не помнить о реальности. Политика жизни «здесь и сейчас» задикивает общество и не позволяет ему стремительно двигаться вперед, развиваться с той скоростью и настолько безболезненно, насколько это потенциально возможно.

Но высшая сущность, как то, что разрабатывает и воплощает план существования мира, закономерно должна быть более мудрой и, соответственно, более доброй и справедливой. Важно не забыть главного: эта высшая сущность всегда требует от нас того же, потому что человек питает Бога, а Бог – человека. Если один из этой цепочки «не желает» выполнять свою часть обязательств, то цепочка неизбежно нарушается – Бог теряет человека, а человек – Бога. И тем не менее человек волен наслаждаться жизнью, как ему нравится, не забывая об ответственности, которая неразлучна с подобной свободой. Слепой гедонизм очень далёк от свободы. Наслаждение жизнью никогда не должно идти в разрез с самой жизнью (в широком смысле этого слова). Иначе наслаждение перестанет быть наслаждением, извратившись до неузнаваемых форм.

«Абсолют» или «Бог», как абсолютный Дух или Логос бытия, пребывает всегда и повсюду, в каждой точке пространства и времени, и, возможно, даже вне их. Он направляет своё «внимание» туда, где концентрируется сознание,

способное Его познать. Он дает материи возможность не только обладать сознанием, но и возможность им пользоваться. И когда это умение достигает определённого уровня развития, когда появляется культура, цивилизация, человек, например, то там появляется и эта возможность – познать бытие, живое и мыслящее. И познав, добравшись до совершенства, теперь уже зная, каково оно, зная к нему направление.

Заключение. В целом на основании изложенного можно заключить, что общим знаменателем для объединения человечества под эгидой преодоления глобальных проблем является обращение к диалектическому пониманию ценностей и Абсолюта, в котором раскрывается направленность мирового развития, как основной принцип целеполагания и формирования идеалов.

Мы выяснили, что особое место в структуре правосознания занимает идеологический ряд, в который входят идеи и представления в отношении определенных сфер жизни, обусловленные стремлением к абсолютному идеалу. Идеал служит основанием целеполагания и деятельности в социальном процессе. Такие идеалы могут существовать в правосознании человека и общества в наглядно-систематизированной форме утопии.

Единство, необходимое для преодоления глобальных проблем человечества, в правосознании человека и общества кроется в ценностях, неизменных и коренящихся в бытии, в обращении к ним при разработке любых стратегий, начиная с формирования идеала и заканчивая воплощением его в действительность. Главным же и единственным критерием для дифференциации объективных ценностей от всех прочих, далёких от блага, нравственности и справедливости, в свою очередь, является гармония, обеспечивающая порядок на всех уровнях развития материи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Гулыга А. Кант / А. Гулыга. – М. : Молодая гвардия, 1981. – 301 с.
2. Давидович В. Е. Теория идеала / В. Е. Давидович. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 1983. – 183 с.
3. Ильенков Э. В. Идеальное и идеал / Ильенков Э. В. Философия и культура. – М. : Издательство политической литературы, 1991. – с. 204–274.
4. Ильенков Э. В. Философская диалектика и коммунистический идеал / Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал. – М. : Искусство, 1984. – С. 106–184.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1990. – 829 с.
6. Новгородцев П. И. Об общественном идеале / Новгородцев П. И. – М., Гардарики, 1999. – с. 123.
7. Толстых В. И. Общественное сознание и его формы / В. И. Толстых. – М. : Политиздат, 1986. – 367 с.
8. Случевская И. В. Неоконсерватизм: "новые правые" во Франции / И. В. Случевская // Социальный идеал и массовое сознание: историко-культурное исследование. – М. : РАН, Институт научной информации по общественным наукам, 1992. – С. 46–85.
9. Соловьев В. С. Кризис западной философии (против позитивистов) / Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1988. – С. 3–138.
10. Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал / Соловьев В. С. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Сочинения. – Т. 3. – М. : Наука, 2001. – С. 7–362.
11. Тойнби А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. — М. : Рольф, 2001. – 640 с.
12. Туманов С. В. Общественный идеал: диалектика развития / С. В. Туманов. – М. : Издательство Московского университета, 1986. – 198 с.
13. Цвейг С. Зигмунд Фрейд / С. Цвейг // Цвейг С. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского. – М. : Издательство АСТ, 1999. – С. 501–612.